

АРХИМАНДРИТ ИННОКЕНТИЙ (СТЕПАНОВ), НАСТОЯТЕЛЬ

(1862-1888)

"Если мир весь во зле, —
Тот блажен на земле,
Кто оставил все в мире для Бога;
В ком воскресло все вновь,
Все проникла любовь;
Тому здесь только на небо дорога".

Любвеобильный архимандрит Иннокентий (в миру дворянин Старооскольского уезда Курской губернии Яков Фирсович Степанов) поступил в Глинскую пустынь в 1845 году и был под духовным руководством известных Глинских старцев. По своим блестящим способностям, тихому нраву и усердию ко благочестию он обратил на себя внимание монастырского начальства и скоро занял должности письмоводителя и библиотекаря обители. Имея под руками обильный источник святоотеческой мудрости, он сумел почерпнуть оттуда воду живую и ею потом во имя любви обильно напоить приходящих к нему. Этому много способствовала отличная память. Стоило о. Иннокентию что-либо раз прочитать внимательно, и он спустя десяток лет мог буквально цитировать целые страницы прочитанного. В должности письмоводителя и поверенного монастыря, отец Иннокентий был правой рукой трех настоятелей Глинской пустыни: Евстратия (†1855), Авксентия (†1857) и Иоасафа (†1862) и прекрасно ознакомился с многотрудными и разнообразными обязанностями аввы большого общежительного монастыря. Потому ему вполне по достоинству в 1862 году вручен был настоятельский посох. В должности настоятеля первой и главной заботой о. Иннокентия был соборный храм, перестройка которого началась еще при игумене Евстратии. Обширный храм, почти весь заново переделанный, требовал внутренней отделки. При неусыпных заботах о. Иннокентия она была закончена в два года и храм освящен в сентябре 1864 года.

В 1870 году по инициативе о. Иннокентия Глинская пустынь с торгов приобрела казенные Сеймские мельницы, которые были в самом жалком состоянии. Только один амбар мог работать.

Отец Иннокентий не устранился громадных расходов на возобновление. При мельницах устраивалось подворье, приобреталась нужная земля, заводилось хозяйство. Отец Иннокентий сам неутомимо трудился над посадкой деревьев. Ему усердно помогали братья и его почитатели из мирян. Господь благословлял все благие начинания. Это видно было в особом чудесном знамении. На другой год по посадке молодые сосны весной зацвели какими-то необыкновенно красивыми цветами. Отец Андрей, показывая их батюшке, сказал: "Никогда этого не видел". Отец Иннокентий перекрестился и ответил: "Я тоже никогда этого не видал". Чудный цвет на соснах был две недели.

Прежде больные иноки помещались в одноэтажном деревянном здании, совершенно непригодном для больницы. Между тем еще при игумене Евстратии разрешено было построить каменную больницу. В 1873 году о. Иннокентий предложил киевскому купцу К.К. АРХИМАНДРИТ ИННОКЕНТИЙ (СТЕПАНОВ)

Ховалкину сделать доброе дело устройством больницы. Предложение было принято, и вот в 1874—1877 годах явилась давно желаемая двухэтажная каменная братская больница на 25 кроватей, стоившая 22 тысячи. В этой больнице при о. Иннокентии, во время русско-турецкой войны 1877—1878 годах, был устроен временный лазарет для больных и раненых воинов, в котором перебивало на излечении 50 человек. Больные содержались за счет обители. Благодаря хорошему уходу и лечению, все выздоровели.

Время принятия настоятельства о. Иннокентия совпало с последними годами жизни его старца-руководителя иеросхимонаха Макария, слава которого постепенно переходила к достойному ученику его. Братия удивлялась мудрому управлению о. Иннокентия, посторонние славил его за любовь, приветливость, милосердие, прозорливость и исцеления. Монах Г., много лет бывший под мудрым начальством о. Иннокентия, говорил про своего незабвенного авву: "Отец Иннокентий свои подвиги скрывал. Это был великий старец, выше всех других, хотя его считали за обыкновенного". Принесут ему молоко, только попробует, пищу часто брали назад нетронутой. В трапезе тоже вкушал очень мало, только показывал вид, что ел.

Утром отец Иннокентий долго молился. Молитва составляла для него действительную необходимость. Скорее забывал о пище, чем о молитве, ибо насколько душа выше тела, настолько и пища души им ставилась выше телесной пищи. Велика была забота духовного отца и пастыря о великом семействе Глинского братства, которое надобно было не только пропитать, но еще держать в мире, любви, богоугождении, по возможности всех представить Богу достойными Его милосердия на Страшном суде. Приходилось мирить ссорящихся, покорять непокорных, поддерживать слабых и изнемогающих, возбуждать к ревности охладевших, распорядиться во всех отраслях большого хозяйства... Все желалось совершить по воле Божией. Приходилось от посторонних выслушивать раздирающие душу скорби, несчастья, несправедливости; всем хотелось дать добрый совет, помочь. Почерпнув в теплой молитве силу и крепость к перенесению всего находящего, отец Иннокентий выходил как бы на брань, вооруженный и на все готовый.

Вот входит молодая барыня, хочет что-то сказать — не может: слишком взволнована; целует благословлявшую руку о. Иннокентия и, тронутая его ласкою, с истерическим рыданием падает на диван. От мужа и родных она давно не видала такой ласки!.. Прошла минута, слезы облегчили горе и дали возможность объяснить цель своего прихода. Молодой муж днем на службе, вечер и ночь в клубе за картами, дома сварливая свекровь. Молодая жизнь, полная сил и здоровья, проходит напрасно. Выходя замуж, она ожидала деятельности, жизни, свободы; но, обманутая ожиданием, приходит в отчаяние, не знает, что делать... Отец Иннокентий советует все переносить терпеливо, молиться Матери Божией с упованием, что все изменится к лучшему. Хорошо зная, что праздное время есть первый пособник скуки и уныния, батюшка, умудренный опытом иноческой жизни, велит употреблять свободные часы на чтение духовно-нравственных книг, на прогулки с целью помочь бедным и т.д. Получив в благословение икону и книгу, барыня уходит вполне успокоенная. На место ее является простая старушка. Как увидела батюшку, сейчас и повалилась ему в ноги. "Встань, бабушка: кланяться в ноги надо Богу, а не мне грешному". Старушка встает, отец Иннокентий ее благословляет. "Сядь да скажи, какое у тебя горе". — "Три было сына, одного в солдаты отдали, другой умер, а младший обижать стал: пьет, ругается... Больно мне, батюшка!"... И слезы ручьем покатались из потухших глаз бедной старушки. "Потерпи, матушка, все пройдет. Жени сына, невестку к себе возьми и заживешь припеваючи. Молись Богу, Господь все ко благу нашему делает. Сперва накажет нас, а потом и помилует". Старуха радостная пошла от батюшки и также в благословение от него получила иконочку Царицы Небесной. Входит мужичок, истово крестится на иконы и также кланяется в ноги. У него жена-работница при смерти, дети малые: как он без хозяйки в доме останется или как к детям другую возьмет. Горе невыносимое!..

Старец посоветовал отслужить молебен Матери Божией с припевом целителю Пантелеймону, взять от Глинской чудотворной иконы маслица. "Помажь больные места, и Царица Небесная воздвигнет с одра болезни жену твою. Не отчаивайся, надейся, будет здорова"... Крестьянин вышел от батюшки с надеждой в непреложность исполнения слов прозорливца. Приходили другие с верою и упованием, говорили старцу все наболевшее у них на сердце. При виде этих слез, этой раздирающей душу картины, что чувствовала добрая впечатлительная душа о. Иннокентия?! Много надо было силы все перенести, все выслушать, не теряя присутствия духа! После таких приемов о. Иннокентий делал перерывы, — ему необходимо было самому успокоиться, чтобы быть готовым опять выслушивать всякое человеческое горе. Во время перерыва батюшка оставался один, молился о всех этих несчастных; он их любил, жалел, готов был им все отдать!.. В эти минуты сам утешающий искал утешения свыше — от Святого Духа Утешителя плачущих, скорбящих, болящих...

Управляя многочисленным и разнохарактерным братством, принимая множество посетителей всех званий, о. Иннокентий не мало имел поводов к огорчению. В первые годы своего управления о. Иннокентию приходилось немало бороться с пылкостью своего характера, ревновавшего о спасении подчиненных. Ревность эта брала перевес над любовью и снисхождением к немощам немощных братии, пока мало-помалу истинный дух Христов совершенно не возобладал им. Всякий порыв раздражительности и гнева о. Иннокентий научился подавлять молитвой. Как только есть повод к гневу, он начинал усиленно перебирать четки, творя усиленно молитву Иисусову и именем Победителя смерти и ада разрушал козни духа злобы. Когда гнев не унимался, отец Иннокентий молчал, иногда удалялся в свою спальню для молитвы, пока Господь не водворял в нем тишины и кротости. Иногда батюшка утомлялся приемом до полного изнеможения, язык его уже не мог говорить; тогда он прекращал прием. Но видя массу народа, жаждущего его благословения и наставления, через несколько минут опять начинал принимать. Однако удовлетворить всех было невозможно, подвижник об этом не мало скорбел. Поэтому со всеми желавшими видеть или слышать его, принять благословение, он отправлялся в лес на прогулку и дорогой вел душеспасительную беседу. Все назидались, все были довольны. С некоторыми говорил отдельно. Насколько популярен был о. Иннокентий, достаточно сказать, что несколько сажений из храма до своей келлии он шел иногда полчаса и более, задерживаемый просящими благословения. С приездом о. Иннокентия в какой-либо ближайший уездный город, к дому, где он останавливался, съезжались экипажи, собирались многочисленные толпы народа, болящих, скорбящих, нуждающихся. Тут каждый получал требуемое: бедные — помощь, скорбящие — утешение, болящие — совет, а иногда и исцеление. Имя Иннокентия передавалось из уст в уста.

Ежедневно с утра до полуночи о. Иннокентий отдавал себя на служение ближним. Знаменского монастыря монахиня Валерия говорила: "Однажды я была у о. Иннокентия с матушкой Пелагеей. Народ осаждал двери коридорчика, в котором батюшка принимал посетителей. Крючок как-то соскочил, и в коридор втиснулось человек пятнадцать. Трогательная была картина! Все повалились на землю, все плакали, молились, говорили: "Забыл нас, батюшка, сколько мы стояли, стучали!.." При этом каждый говорил про свои скорби и нужды. Отец Иннокентий всех благословил: кому дал крестик, кому просфорку, иконочку; всех успокоил и просил еще немного подождать, пока матушек (т.е. нас) отпустит".

Вечером, отпустив от себя всех посетителей, о. Иннокентий иногда оставлял у себя кого-либо одного из братии, с кем намерен был продолжать беседу о молитве и кто по внутреннему своему устройению и усердию мог заняться непрерывным внутренним трезвением от посторонних помыслов: благодатная речь его лилась непрерывно, неудержимо; время незаметно переходило за полночь. Покойный батюшка говорил: "Надо молиться, без молитвы нельзя ничего начинать. О всяком деле прежде помолись и успех его предай Богу. Если бы я не предавался Богу, то что бы сделал? Если у нас нет в душе мира, истины и

правоты, то наша молитва сомнительна и не получаем мы от Бога утешения. Ангел, видя душу достойную, подает ей утешение от Бога, а недостойную — лишает. Когда помолишься, и водворится в тебе душевный мир, то благодать Господня охраняет тебя от нарушения этого мира. Иной, возмущенный вражеским искушением, идет с желанием высказать свои неудовольствия, замечания или что иное не по Боге, но видя тебя с духом мира и кротости, превращается сам из волка в смиренную овцу и все, что хотел высказать, выскажет в ином тоне или же совершенно умолчит. Молись до тех пор, пока не почувствуешь в себе особенной небесной отрады, имея которую ты способен все встретить, все вынести, все сделать". Видно было, что сам старец все это пережил, перечувствовал, говорит от опыта, с великим убеждением, которое неотразимо действует на слушателя.

Когда о. Иннокентий не вел вечерней беседы о молитве, то сам молился и бдел за спящих братии. Вратарь, приходящий в полночь просить благословения будить будильщика для пробуждения братии, всегда заставал о. Иннокентия одетым и бодрствующим. Окончив бдение за братии, которые должны были сразу встать на утреннее молитвенное славословие, архимандрит Иннокентий отправлялся в лес и там в ночной тишине, на лоне природы, бдел за себя, подкрепляясь молитвой на дневной подвиг. Душа подвижника жаждала уединения, но не могла его нигде найти, кроме леса и только в ночное время.

Однажды келейник подумал: "Отец Иннокентий святой человек, а на утреню не ходит". Батюшка сейчас же отвечал ему: "Знаешь, почему не хожу я на утреню? Настоятель отвечает за всех, и вот мне, кроме всего, надо еще хотя умом побывать в келлии каждого, помолиться за каждого, оградить его крестом, иначе враг распудит Христово стадо".

Кроме слова духовной мудрости, о. Иннокентий широко пользовался данным ему от Бога даром прозрения или, как говорит Священное Писание, "проявлением духа на пользу" (1 Кор. 12, 7). Приведем здесь несколько таких случаев. Купчиха В. К-ова говорила нам: "Отец Иннокентий, увидев меня в первый раз, до мельчайшей подробности рассказал мою жизнь, — лучше, чем я сама смогла рассказать, и напоминал давно забытое, мне приходилось только соглашаться и подтверждать слова батюшки".

Пелагея Р-т немало скорбела, что имеет мужа-лютеранина. Однажды в 1873 г. она видит во сне: будто за веревочку тянет своего мужа в Глинскую пустынь. Сон этот ей показался замечательным, она рассказала его о. Иннокентию. Батюшка на это сказал: "Перед смертью ваш муж в Глинской пустыни примет православие. Ровно через двадцать лет предсказание о. Иннокентия исполнилось. Муж Пелагеи Р-т приехал в Глинскую пустынь, ходил в храм на все богослужения и слушал православное учение. Убедившись в истине его, присоединился к православию и через несколько лет скончался смертью праведника.

Дворянка Е. Б-ва хотела заставить своего мужа согласиться на одно предложение. Для этого она воспользовалась авторитетом о. Иннокентия: к одному из писем батюшки она в доказательство исполнения своего желания прибавила выписку из Священного Писания. Показывая ее мужу, она говорила, что записка эта вложена в письмо о. Иннокентия. Вместе с тем просила мужа согласиться на ее просьбу. Этого поступка она никому не открывала, но батюшка про него узнал. Прошло немало времени. Г-жа Б-ва приехала к батюшке. Она сказала ей: "Ты довольствуйся своим умом, а моим не распоряжайся". Виновная раскаялась и просила прощения.

Была осень. Заведующий дальним монастырским хутором монах Н. просил у о. Иннокентия благословения смолотить рожь. Батюшка паче чаяния приказал хлеб сложить вместе и закрыть его до весны. Н. уверял о. настоятеля, что до весны весь хлеб пропадет, его поедят крысы, и настойчиво доказывал необходимость молотбы. Отец Иннокентий не спорил: "Хорошо, сказал он, хлеб разделите пополам. Мою часть оставьте, а свою молотите". Начали молотить: погода стояла переменная, сырая. Помолоченный хлеб ссыпали в закрома.

АРХИМАНДРИТ ИННОКЕНТИЙ (СТЕПАНОВ)

Весной он перегорел и загорчил, так что его рады были продать за низкую цену для корма скоту, а часть о. Иннокентия смолотили и довольствовались ею целый год. Без этой части пришлось бы остаться без хлеба и покупать его по дорогой цене, так как на хлеб цены сильно поднялись.

Однажды о. Иннокентий был в г. Сумах. В толпе пришедших просить его благословения была гимназистка. "Подите сюда, — сказал ей батюшка, — пропустите ее". Она подошла. Он, благословляя, спрашивает: "На экзамен готовитесь?" — "Да, батюшка, прошу помолиться о благополучии". — "Дайте книжечку". Она подает, он открывает и читает ей вслух, а затем говорит: "Это хорошо выучите, это у вас спросят на экзамене, вы получите пять". Цифру "пять" написал на лбу девочки. Все случилось в полнейшей точности. Об этом в то время много говорили в г. Сумах.

По дару прозрения многие обращались к о. Иннокентию. Кажется, ни один молодой человек, желающий жениться, ни одна невеста, имеющая жениха, не решались на брак без благословения Глинского настоятеля. И замечательно, что, кого он благословлял, те жили счастливо, кого не благословлял, те всегда каялись, что не послушали прозорливого старца. Так, одной госпоже о. Иннокентий советовал погодить годик до брака дочери, но мать не послушалась. Дочь ее умерла в страшных муках первой беременности.

Не напрасно отца Иннокентия называли "благоутробным, чадолюбивым, сострадательным, милосердным". Качества сии в нем выражались разнообразно. Милостыню батюшка выдавал не считая, явно и тайно, никто не уходил без помощи.

Однажды после обеда у о. Иннокентия была одна игуменья. В это время батюшка, как и всегда, раздавал бедным свою помощь. Кроме того келейник приходил несколько раз и тоже просил денег для раздачи. Отец Иннокентий давал серебро не считая. Видя такую щедрость, игуменья говорит: "Я думаю, что вы раздали рублей пятнадцать". — "Более, — отвечает ей о. Иннокентий, — роздано восемнадцать рублей". — "Можно ли так?" — "Нам их, матушка, Сам Бог посылает. В этом я убежден и опытом и словом Божиим". В это время подают пришедшую почту. Там было две повестки на 700 рублей. Отец Иннокентий, показывая их матушке, говорит: "Вот вам доказательство". Иногда о. Иннокентий нуждающимся давал большие суммы денег, но чтобы братия не осудила его в излишней щедрости, не велел никому сказывать и только близкие знали, и то не всегда, великую щедрость своего аввы. Когда негде было взять, о. Иннокентий отдавал нуждающимся свой подрясник, сапоги или рубашку.

По тому же состраданию к ближним он помогал больным. Преимущественно исцелял помазанием маслом из лампы от Глинской чудотворной иконы. Это знали почти все иноки Глинского братства, жившие при отце Иннокентии. Келейник батюшки монах Илиодор говорил: "Однажды к отцу Иннокентию пришли две женщины, одна из них была с девочкой на руках и объяснила, что дочь ее один год видела глазами, а два года совсем не открывает глаз, постоянно стонет, кивает головой, точно расслабленная, и потому она пришла просить помолиться о болящей. На это архимандрит сказал: "Я ничего не помогу, а вот только помажу глаза маслом от лампы Царицы Небесной, а ты иди в скит и молись Богородице, потом приходи ко мне". Сказав это, отец Иннокентий благословил девочку, помазал ей глаза крестообразно маслом. В ту же минуту она перестала кивать головой. Батюшка сказал: "Вот уже и головой кивать перестала". После обеда женщины снова пришли, девочка была совершенно здорова, весело смотрела глазами и улыбалась. На благодарность матери исцелившейся девочки о. Иннокентий сказал: "Это дело милосердия Матери Божией".

Болящий иеродиакон Иоанникий, рассказывая про бывшие с ним исцеления по молитвам отца Иннокентия до и после смерти незабвенного покойного аввы, в заключение сказал нам: "При батюшке мы мало болели. Как только увидит, сейчас же узнает болезнь. "Э, брат, — обыкновенно говорил о. Иннокентий, — на, помажь или выпей, и пройдет". Даст или

маслица, или травки. Болезнь действительно проходила". Выдаваемую траву материнку, мяту и другие отец Иннокентий называл "успокоительными травками". По молитве благодатного старца травки действительно оказывали благотворное действие на душу и тело. Головные боли о. Иннокентий исцелял прикосновением, или сжатием руками головы. Вышеупомянутая монахиня Валерия, между прочим, говорила про о. Иннокентия: "Однажды батюшка был на Покровском хуторе. Я с другой матушкой и Марьей Д-овной отправилась к нему. Во время чая батюшке докладывают об ожидающем народе. Отец Иннокентий достал из саквояжа баночку лекарства, дает мне и говорит: "Иди помажь". Я была в недоумении, народ верил батюшке, а не мне, но не желая ослушаться, пошла. Ко мне подходит одна женщина со страшной гнойной раной за ухом. Я не могла смотреть, вернулась и сказала о. Иннокентию: "Не могу исполнить вашего поручения". Батюшка пошел сам. Помазал за ухом, потом стал осматривать других и мазал больные места. У больных ногами о. Иннокентий своими руками разматывал онучи (пришедшие были обуты в лапти), ноги натирал мазью, снова помогал обуться и говорил: "Теперь иди с Богом". Такая любовь, такое внимание батюшки к страждущим беднякам кого не тронут?! Все были ему благодарны и уходили с молитвой на устах".

Но исцеляя других, сам о. Иннокентий не принимал никаких лекарств и при слабом телосложении почти всегда был болен. Но болезни переносил благодушно, с благодарностью Господу. Ибо в болезнях тела видел здравие души. Кроме того, за 8—10 лет до кончины подвижник взял на себя особый подвиг: никогда не отворять ставней своей спальни, и днем находился там с огнем. 21 июля 1888 г., после выноса в Глухов Глинской чудотворной иконы, он заболел предсмертною болезнью, страшно страдал, но никому не подавал вида. За месяц до смерти о. Иннокентий принял к себе одну благодетельницу М.Ф.П. Она вошла, остановилась, всплеснула руками и сказала: "Батюшка! Я к вам!"... Лицо ее как-то особенно изменилось. Потом госпожа П. говорила гостиннику приблизительно следующее: "Как только я вошла, увидела вокруг головы батюшки золотой венец, и лицо его было, как у ангела, я вся изменилась и трепетала от страха. Прощаясь, я хотела сказать о своем видении и только упомянула, что я видела, о. Иннокентий, улыбаясь, перебил меня словами: "Молись, и ты тоже получить можешь".

17 сентября вечером в субботу, когда на бдении пели "Ныне отпускаеши раба твоего, Владыка", о. Иннокентий на 64-м году своей жизни тихо, блаженно скончался, напутствованный Таинствами елеосвящения, исповеди и причащения. Тело его в течение четырех дней не изменялось, не предавалось тлению, окоченелости и не издавало никакого запаха. Народ массами стекался к одру почившего, каждый спешил отдать ему последний долг уважения. Рыдания не прекращались и нарушали тихое чтение Святого Евангелия. 20 сентября, во время литургии, плач народа усилился.

При отпевании плакал первоприсутствующий архимандрит Иоасаф, плакал весь многочисленный сонм священнослужащих, никто не мог удержаться от слез. Это была последняя дань любви всех любящему отцу архимандриту. Погребенный телом, он жив бессмертной душой и многим являлся во сне, утешал скорбящих, исцелял болящих и давал наставления. Видевшие его действительно переставали скорбеть, болезни недугующих проходили, и исполнившие его советы имели в делах своих успех. Об этом в обители записано много заявлений. Гроб о. Иннокентия находится в усыпальнице под теплым храмом Глинской пустыни. Почитатели его служат панихиды.

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997 г.